

И. А. МИЛЮТИН
ДЕЛО И РЕКА

**Марк Анатольевич Бородулин
Эльвира Петровна Риммер
И. А. Милютин. Дело и река**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68298067

И. А. Милютин. Дело и река: документально-художественное исследование. / Риммер Э. П., Бородулин М. А.: Порт-Апрель; Череповец; 2019

ISBN 978-5-6042107-3-4

Аннотация

Книга рассказывает о жизненном пути Ивана Андреевича Милютина, действительного статского советника, купца, общественного деятеля, городского головы Череповца на протяжении 46 лет, внесшего неоценимый вклад в жизнь и историю города.

Предназначено широкому кругу любителей истории и краеведения.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	20
Конец ознакомительного фрагмента.	58

**Марк Бородулин,
Эльвира Риммер**

И.А. Милютин. Дело и река

*Истинный центр не в столице и не в провинции,
не в верхнем и не в нижнем слое, а в глубине всякой
личности.*

*Н. Бердяев
«Судьба России»*

*Документально-художественное исследование
издание 5-ое, исправленное и дополненное*

© Риммер Э. П., Бородулин М. А., 2018

© Оформление. ООО Издательский дом «Порт-Апрель»,
2019

Предисловие

Это напоминание не бесполезно как для нас самих, так и для будущего нашего поколения.

Из приветственного адреса череповецкой городской думы. 1886 г.

В уездном городе N, одном из тех, что во множестве разбросаны по широким просторам Российской империи, два купца, отец и сын, сидели друг против друга в дремотном поллеобеденном размышлении: «Что бы такое придумать, чтобы слух о нашем маленьком городке прошел по всей Руси великой и чтобы это было полезно и городу, и совместному их торговому промыслу?»

– Если с умом взяться, – говорил отец, – то свой город можно будет так выдвинуть – страсть. Вся Россия ахнет!.. Дескать, не было ни гроша, да вдруг алтын.

– Как же это, тятенька?

– А как Милютин в Череповце... Ну-ка, как он город свой возвеличил! Ни одному губернскому не уступит.

– Так ведь Милютин-то один на всю Россию.

– Не уж русская земля клином сошлась, и только и есть в ней, что Милютин Череповецкий?

Сей тет-а-тет состоялся на страницах книги А. Соколова, вышедшей в Петербурге в 1911 году под несколько жутковатым названием: «Городской голова – убийца».

Однако дело не в названии. Герои придуманного мира говорили, как ни странно, о самом реальном, известном в широких деловых кругах череповецком городском голове² Иване Андреевиче Милютине.

Это имя в конце XIX века стало почти нарицательным, ибо не было на всей Руси великой человека, который бы так долго стоял во главе городского самоуправления и так много сделал для блага своего родного города. При Иване Андреевиче малоизвестный городок северо-западной части России вырос и как связующее звено между продовольственным Югом и промышленным Севером, и как известный всюду «северный центр просвещения».

Обложка всероссийского альбома, в котором описаны жизнь и деятельность И. А. Милютин

Петербургские чиновники называли Череповец, входивший тогда в состав Новгородской губернии, не иначе как «Милютин» – просто и бесхитростно.

В 1904 году в Санкт-Петербурге вышел в свет красочный альбом «Современная Россия в портретах и биографиях выдающихся деятелей». Альбом был дорогим, и все доходы от его продажи поступали в «Фонд помощи больным и раненым Дальнего Востока», т. е. в пользу пострадавших на русско-японской войне. Среди известных имен в разделе «Местные деятели» был представлен череповецкий городской голова Милютин. «Один из выдающихся русских самородков, поработавший и для своего края, и вообще для отечества», смотрел на читателя спокойным взглядом уверенного в себе и все понимающего человека.

К портрету прилагалась небольшая биографическая справка, и она, конечно же, не смогла на одной страничке в полной мере отразить все его несомненные таланты и достоинства.

Крупный судовладелец, финансист и филантроп, автор многих книг на экономические темы, И.А. Милютин сумел до конца дней своих сохранить великое чувство сопричастности к судьбам «ущемленных в своих правах соотечественников», к их вечно неустроенной жизни.

И они отвечали ему неизменным и постоянным доверием. Все сорок шесть лет, через каждые четыре года сограждане отдавали свои голоса Милютину: другого лица в роли городского головы они себе и представить не мыслили. А когда приходили к нему грустные времена, когда в силу трудных жизненных обстоятельств он просил «отпустить его на волю», то черепане могли утешить его только тем, что вновь избирали городским головой.

И.А. Милютин прожил, по русской мерке, довольно долгую жизнь - 78 лет, и работоспособность его была поразительной.

Новые замыслы переполняли эту деятельную натуру до самой последней минуты, и никакая важная новость не оставалась вне его внимания. Находясь в Старой Руссе на лечении, за два года до своей кончины, Иван Андреевич узнает, что его друг С.Ю. Витте,³ получив ответственное поручение от Государя, отправляется в США с важной миссией: заключить достойный мир с японцами и положить конец позорной русско-японской войне.

И. А. Милютин (1829–1907)

Третьего июля 1905 года Милютин направляет ему телеграмму:

«Уполномоченному Статс-Секретарю Сергею Юльевичу Витте. Находясь на Старорусских водах, не могу не выразить глубокой патриотической радости ввиду торжества высшей мудрости, которою теперь только проникнулся Государь, посылая Вас как мужа разума и опыта на совершение великого дела. Я верю, что Ваша поездка в Америку будет началом светлой эры исстрадавшейся Госсии за последние два года. Да пошлет Господь Бог Вам здоровья и благословит

высшую мудростью. Остальное все нужное содержится в Вашей недюжинной личности.

Неизменный почитатель, старейший городской Голова в Госсии Иван Милютин».

Ответная телеграмма Витте была короткой:

«4 июля в 10 час. 25 мин. пополуночи. Ст. Гусса. Милютину.

Сердечно благодарю за доброе слово.

Здравствуйте. Витте».⁴

Это была их последняя переписка. Иван Андреевич скончался в 1907 году скоропостижно, не обременяя своих родных долгим и мучительным ожиданием горького конца. Второго июля, проработав целое утро над вопросом об осуществлении железнодорожной гавани в Череповце (ближайшего и наиболее дешевого выхода к столице всех волжских грузов), он вдруг почувствовал себя плохо, встал, желая отдохнуть, но потерял сознание. Прибывшие врачи констатировали кровоизлияние в мозг.⁵

С. Ю. Витте (1849–1915). Председатель Совета министров, Почетный гражданин г. Череповца

У Ивана Андреевича была мечта, сокрытая в тайных глубинах его широкой натуры. Кое-кто из гласных Городской думы, возможно, и догадывался о ней, поскольку в служебных разговорах эта тема иногда всплывала, но именно как мечта, как фантазия, не более. Однако известно, что всякая, даже самая сокровенная мечта в конце концов становится предметом всеобщего достояния. Как выразился один из друзей Ивана Андреевича, «он намечал будущее Череповца и, по воле Божией, конечно, не дожил до этого».

В марте 1911 года из Тихвина в Череповец приходит частное письмо. После новостей личного свойства тихвинский корреспондент, помянув Ивана Андреевича Милютина добрым словом, сообщал, что при большой «раскинутости Новгородской губернии, управлять ею при отдаленности Северных уездов затруднительно и невозможно, а потому признано возбудить ходатайство, чтобы изменить границы губернии (...), а в северной части Череповец сделать губернским городом».⁶

Череповец, правда, по внешнему виду к роли губернской столицы никак не подходил. Писателю Ивану Порошину он показался «маленьким городком, напоминающим приволжское село средней руки», но имеющим «несомненное будущее».⁷ Зато настроение в нем было вполне губернским. Милютину, например, удалось добиться ликвидации двух соседних судов – Белозерского и Устюженского, расположенных на окраинах своих округов, с тем чтобы оставить один центральный в Череповце.

Для размещения суда Иван Андреевич пожертвовал свое собственное каменное двухэтажное здание в самом центре города. Пришлось тогда устюженскому прокурору Петру Яковлевичу Вангенгейму, окончившему в 1851 году Лицей князя Безбородко, переехать в Череповец и занять должность товарища председателя Череповецкого Окружного суда.

Окружный суд в г. Череповце

Далее в письме говорилось о том, какие именно уезды предполагалось объединить. Среди них назывались, в частности, Тихвинский и Устюженский. Но империя этого сделать не успела: войны и революции нового века помешали свершиться милютинской идее. А вот при советской власти в 1918 году Череповец, спасаясь от голода, чуть менее 10 лет существовал как губернский город. В то тяжкое время (истинное значение которого пусть оценивают успокоенные и

потому более справедливые потомки) прожить иначе было бы невозможно: распределительная система на больших расстояниях работала неэффективно, а Череповец был слишком отдален от Новгорода, своего губернского центра.

Н. Д. Чечулин (1863–1927)

Известный историк, член-корреспондент Российской Академии наук Николай Дмитриевич Чечулин в петербургской газете «Новое Время» поместил некролог «Памяти И. А. Милютина»: «Череповецкий городской голова Иван Андреевич Милютин, скончавшийся 4 июля 1907 года, был

личностью крупную и оригинальную». И далее: «.Была в нем замечательная и высокая черта – желание работать у себя, на пользу своего города, своей области. И.А. Милютин мог бы входить в ряды крупнейших банковых и международных дельцов-воротил, особенно в 60-х-70-х годах, но он всегда оставался череповецким деятелем.

И не потому, чтобы не хотел быть в другом месте вторым, бывши у себя бесспорно первым: он понимал, что для успехов страны, для ее блага – а блага Родины он любил всегда горячею и живую любовью – необходима широкая и многосторонняя работа на местах». Заканчивалась поминальная статья такими словами: «.Можно только пожелать, чтобы побольше было у нас на местах работников, которые были бы так же, как И. А. Милютин, неумимы, так же знали бы свои местные нужды и потребности и так же любили бы свое дело и свой родной край».⁸

...29 июня 1915 года у паровой пристани собрался весь город: мужчины и женщины, девушки и юноши, дворяне и крестьяне, купцы и мещане, служащие и рабочие (да мало ли хороших людей жило в Череповце). И вдруг зазвучал гудок одного парохода, второго, десятка. Все гудки слились в единый, мощный и чудный хор. Гудели суда на всех пристанях, в Алексеевском доке, в гавани. К ним присоединились колокола Троице-Сергиевской и Христорождественской церквей. И вот он появился, этот белоснежный двухпалубный пароход Товарищества «Север». Он все ближе и

ближе подходил к причалу, все яснее виделись надписи на его бортах – «Иван Милютин».

Глава 1

Речное путешествие

*Чудна чудная машина -
Развеселый пароход.
Уж мы сядем и поедем
Во Черепов городок.
Фольклор рекрутского набора*

Уважаемый Читатель, прежде чем Вы познакомитесь с череповецким городским головой, действительным статским советником Иваном Андреевичем Милютиным, позвольте

предложить Вам речное путешествие в уездный город Череповец (Новгородской губернии), где Иван Андреевич завершает свою более чем полувековую деятельность на поприще служения городскому обществу.

До появления железной дороги Вятка – Петербург столичному жителю, вздумай он посетить наш город, пришлось бы добираться сначала поездом (очень недешево) по Николаевской железной дороге до станции Бологое, затем по Рыбинско-Бологовской ветке до Рыбинска, а там – пароходом по Мариинской водной системе до Череповца, избегая тем самым тряских перегонов почтовыми через Боровичи и Устюжну. Мы тоже пойдем пароходом от Рыбинска по Шекс-не тем путем, которым много раз следовал молодой купец Иван Милютин на своих баржах, груженных хлебом, от Волги до Калашниковских пристаней северной столицы.

Купив проездные билеты в кассах Коммерческо-Крестьянского пароходства (ибо в правилах для господ пассажиров совершенно справедливо и не без основания замечено, что «каждый пассажир обязан иметь билет от той пристани, от которой он едет»), Вы получаете право ступить на палубу, скажем, «Михаила» или «Марии», а, может быть, если позволит вода, и на двухпалубный красавец «Владимир». Расписание обещает недолгое, чуть менее суток, путешествие, приятность которого подкрепит объявленный в пароходном «Прейс-Куранте кушаньям и винам» обед из трех или четырех блюд, чашка кофе или стакан чая со сливками или ли-

моном – «для одной персоны».

Не меньшее удовольствие доставит Вам вид изящно отделанной рубки, где пассажиры обедают, читают и даже музицируют; бархатные диваны первого класса и суконные второго; отличный буфет с разнообразными напитками и, наконец, любезность воспитанной команды. Путь от Рыбинска до Череповца составляет около 230 верст.¹

В два часа дня, взмутив волжские воды пенными бурунами, наш пароход устремляется в широкое устье реки Шексны. За кормой остается великолепная панорама рыбинской набережной с высоченной колокольней пятиглавого Преображенского собора.

Шексна встречает нас многочисленными корпусами Николаевско-Абакумовского заводского комплекса. Связанные в единый промышленный узел, абакумовские цеха нацелены на обслуживание волжско-балтийского судоходства и торговли. Здесь плетут пеньковые канаты, строят пароходы в железных корпусах «американского» типа, туэра – особого рода речные буксиры (о них мы еще найдем время поговорить), запасные части к ним, мукомольные мельницы, паросиловые установки. С абакумовских ступеней сходят и грузные волжские баржи, и баржи полегче – типа «унжаков», предназначенные для хождения по шекснинским перекатам.

Рыбинск. Набережная Волги

Основатель этого фабричного гиганта Николай Михайлович Журавлев, волжский самородок, с успехом торговал крепчайшими, машинной выделки канатами, которых его завод вырабатывал до 400 тысяч пудов в год. Они хорошо продавались и в Астрахани – для каспийского судоходства, и в Петербурге – на экспорт. Крепкий клан Журавлевых² являлся, если можно так выразиться, естественным конкурентом череповецкой компании «Братья Милютины и К0». При этом и М.Н. Журавлев-младший (1840–1917), и Милютин Иван Андреевич, меняя друг друга, избирались председателями Рыбинской хлебной биржи.

Ее здание, выполненное в стиле классицизма, до сих пор стоит на высоком волжском берегу, и, как говорят специалисты, «оно не затерялось бы и на столичных улицах». За по-

воротами извилистой Шексны скрылись дымные, остро пахнущие чугунолитейки и потянулись малоинтересные берега с редким, изрядно порубленным лесом. Сквозь шум падающей с пароходных колес воды слышится неведомый голос всезнающего, уверенного в себе человека, каковой сорт людей непременно встретится среди десятка впервые путешествующих пассажиров:

– Шексна, милостивые государи, несет в себе воды Белого озера.

Как утверждает знаток здешних мест ученый-археолог Е. В. Барсов³, «едва ли есть в России река, которая бы текла такими кривизнами и изгибами, как Шексна, или, как правильнее называют ее в народе, Шехна; едва ли есть река, которая упором своего течения так подрывала правый берег, намывая левый, как эта река. (...) На пространстве 400 верст не много у нее берегов, на которых бы безопасно мог поселиться человек (...); но и те высокие места, где ютились древние люди, так быстро размываются, что в течение нескольких лет они совершенно исчезают».⁴

– По весне разлив Шексны соединяется с разливом реки Мологи, да так, что суда проходят из одной реки в другую прямо по затопленным лугам. В нижнем плесе, то есть от Рыбинска до Череповца, Шексна спокойна и легко проходима.

– Пассажирское сообщение здесь открыто в 1860 году череповецкими купцами братьями Милютиными. Теперь к ним присоединились пассажирские рейсы и вездесущего об-

щества «Самолет», и судовладельцев Моисеева и Кашиной. Но главное назначение Шексны – хлеб. Масса хлебного груза поднимается с юга вверх по Волге, постепенно приращиваясь. Идет безостановочно, пока не достигнет Рыбинска. Там, перекинувшись на баржи-«маломерки», народный караван продолжает свое движение Мариинским водным путем к Санкт-Петербургу, к его порту и далее к малохлебным областям России. Если бы система почему-либо перестала существовать, то у производителей приволжского региона недобор на одном только хлебе выразался бы колоссальной суммой – до 30 миллионов рублей. А Петербург с его миллионным населением не только лишился бы обильного и сравнительного дешевого снабжения прекрасной рожью и пшеницей, но и крупной торговли с зарубежными фирмами...

В конце 80-х годов XIX века прошел Шексной на пароходе «Спокойный» писатель-демократ Г.И. Успенский. В очерках «По Шексне» он писал: «Вот ведь и Шексна тоже река, и так же, как и по Волге, ходят по ней пароходы, хотя бы и старого типа. Но есть в ней что-то особенное, тенденциозное, переносящее мысль путника на биржу, в бюджет, в размышления о политическом положении всего света. Все на этой реке связано одной нитью: лесопильные заводы со складами напильного леса, в бесчисленном количестве кряхтящие, охающие, лающие буксиры, барки, должествующие поглотить однообразнейшие полчища стогов, тесин, брусев, бочек. Самым неотразимым образом рисуются

они исключительно в виде цифр, цифр в биржевых отчетах, в отчетах Министерства финансов, в торговых берлинских, лондонских телеграммах. Кажется, что река только и думает о государственном бюджете, о том, чтобы наше отечество скорее других стран могло заявить: настроение с овсом, с сеном, с пшеницей крепкое, и тем получить возможность ответить на угрожающие статьи Северо-Германской Всеобщей газеты, внушаемые, конечно, самим «железным канцлером». Словом, Шексна – река коммерческая.

Между тем солнце, светившее то с левого борта, то с правого, покатило к западу, а время – к обеду. В буфетной уже разносили заказные блюда.

– Есть ли стерлядка? – спрашиваете Вы у буфетчика, открывая меню.

– Как же-с, – изумляется он вашей неосведомленности. – Как не быть? На Шексне-с, сударь, стерлядь для всякого буфетчика обязательна. Вот, извольте-с, рыбное горячее: солянка жидкая сборная из стерляди, солянка московская из стерляди же, стерлядь паровая, стерлядь разварная и она же по-русски, и кокиль из рыбы.

Есть и севрюжка «американь», и осетрина по-русски, и рыбное жаркое из стерляди, осетрины и судака, и рыбное холодное – ботвинья с осетриной, осетрина с хреном, майонез из рыбы, салат. Из закусок – икра, балык, бутерброды со свежей паюсной икрой... Возьмите лучше стерлядку. В любом виде. Прочувствуйте ее нежный вкус вместе с запахом реч-

ной волны и, если рядом с Вами окажется человек бывалый, послушаетесь от него много интересного про эту чудесную рыбу.

– Знаток стерляжьих блюд, сударь мой, – скажет он, поглядывая на вашу тарелку, – как опытный рыбак-волгарь, с первого взгляда определит, где выгуливалась «пиковка»: ⁵ на Волге или на Шексне.

Волжская стерлядь бледновата и тонка, во вкусе жесткая, в ухе не наваристая; стерлядь шекснинская, напротив, желтая, толстая, нежная на вкус, с янтарным жирком. А дело все в корме. В шекснинских илистых берегах рождается совершенно замечательное насекомое. Местные жители дали название этому существу – «метлица», ибо в миллионном количестве во время своего «выхода» белой метелью пронзает воздух у самой поверхности воды. Тут и хватает метлицу всякая рыба: лещ, сорога, чеша, голавль. Но стерлядь берет осторожно, скромно, словно делать ей это никак не позволительно.

– А помните ли Вы, сударь, знаменитое «Приглашение к обеду» Г.Р. Державина. Среди блюд, коими собирался он потчевать своих именитых гостей, первой называется «шекснинска стерлядь золотая»:

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В графинах вина, пунш, блистая,

То льдом, то искрами маняг;
С курильниц благовонья льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вокруг ожидая.

– На Шексне в прежние времена водилась не только стерлядь, но и севрюга, осетр, белорыбица. Для их ловли на реке устраивались огромные перегородки – езы. Это дало повод европейскому путешественнику Генриху Штадену заметить: «По реке Шексне нет городов или замков, но по дну забиты забой из бревен, на них ловится осетр. Осетр этот поедается при дворе Великого князя».

Изысканные блюда из стерляди были украшением любого стола

Нечаянный Ваш собеседник задумчиво оглядывает пробегающие мимо шекснинские берега и говорит совсем уже грустно:

– Тяжело только добывать ее стало, стерлядку-то нашу. Пароходов на Шексне, знаете ли, тьма развелось. Особенно туэра цепями своими рыбу пугают. Теперь она по мелким речкам разбежалась, часть в озеро ушла, а что осталось – во всякие снасти худо идет.

– Пароходы поубавили не только стерлядь, – решил оживить наш разговор еще один знаток-любитель старины.

– Из-за них Шексна лишилась, по моему твердому убеждению, оригинальности и, если хотите, поэзии.

Исчезли, и, надо полагать, навсегда, роскошные старинные баржи – «белозерки», «унжаки», украшенные арабесками и раскрашенными фигурами, прежде так радовавшие взор.

Так и слышишь порой:
По реке, по Шексне, с Волги-матушки,
Встречь воде, меж лугами зелеными
Выгребают суда Государевы —
Идут барки высокие, новые,
Пологами цветными прикрытые...

А. Приклонская

Вам необыкновенно повезло, дорогой Читатель. Вы встретились с настоящими знатоками этой чудесной реки. Однако

смейем заметить, что им известны и менее привлекательные, а порой просто ужасные моменты из того же недавнего прошлого шекснинского судоходства.

В. Верещагин. «Бурлаки». Этюд. Х.м. 1866

Мы говорим о бурлаках⁶ – основной тягловой силе. На Шексне их называют «путинными». Среди них можно встретить не только крестьян, но и мещан, бывших купцов, лиц духовного звания и даже дворян. Потеряв свой капитал, лишившись мест, они обеднели и опустились, махнули рукой на прошлое и «безропотно тянут здесь свою лямку, питаюсь летом трудами, а зимой, когда выйдут деньги, – Христовым именем».⁷

С парохода, особенно с верхней палубы, бурлаков не разглядеть и не услышать: пароходы очень шумят и быстро бегают. Сойдите на берег, станьте у бечевника⁸ и вы услышите – сначала далекий, а затем все ближе и ближе слышимый

хор: «По-дер-нем, по-дер-нем, по-дер-нем!» Не менее полусотни людей, босых, оборванных и загорелых, издают этот звук наступженными голосами. Бурлаки медленно идут, ступая нога в ногу и наваливаясь всем туловищем в жесткую лямку. Баржа скрипит, покачиваясь на встречном течении. Головы с всклокоченными волосами, часто ничем не покрытые, склонились низко к груди, едва прикрытой одеждой. Издали все бурлаки кажутся одним огромным существом, тиходвигающимся вперед и мерно переваливающимся сбоку на бок. Такими запомнил их младший брат знаменитого художника А.В. Верещагин.

– Ну, живее! Хозяин на барке кричит
И костями на счетах стучит...
Сосчитай лучше ты, борода-грамотей,
Сколько сложено русских костей
По кремнистому берегу Волги-реки,
Нагружая твои сундуки!

Л.Н. Трефолев

Мы не станем открывать все «прелести» этой тяжелой службы. Слава Богу, она тихо и безвозвратно исчезает и на Волге и на Шексне. Хотя надо признаться, что это не совсем так. Выше Череповца существуют места, пройти которые, особенно когда вода стоит низко, нет никакой возможности, если не воспользоваться женской силой. Пароход здесь замедляет ход, а то и просто останавливается из-за обилия ско-

пившихся судов, и тогда хорошо слышен шум, описанный очевидцем: «Характерной особенностью здесь является то, что лодки тянут не мужчины, а женщины. Обилие судов, вереницы лошадей и женщин в ярко-пестрых сарафанах и платках, визг, смех, «Дубинушка», крики мужиков, управляющих судами, – все это придает местности значительное оживление. (...) Когда все это исчезло из глаз, когда уже не видно было этих женщин-бурлаков и не слышно неприятно-визгливой «Дубинушки», на душе стало тяжело и неприятно».⁹

Не только бурлаков можно встретить на изменчивых перекатах Шексны. Вот длинную барку, раскрашенную зеленой краской, тянут пятнадцать лошадей, запряженных гуськом. Коноводы, спотрескавшимися губами, черные от солнца и пыли, силло кричат, свистят и щелкают бичами. А на корме, держась за руль, стоит, весь в напряженном внимании, щеголеватый лоцман в красной кумачовой рубахе и высокой поярковой шляпе. Он протяжно кричит: «Гоняй-й, гоняй-й, Ванюха, гоняй-й-й!»

Пришекснинские жители исстари зашибали довольно значительные деньги на коноводских работах. Но не все добытую копейку сполна приносили домой. По ходовому берегу реки, где только предоставлялась возможность для более или менее продолжительных остановок каравана судов, всюду в изобилии понастроены были злачные места с надписью: «Распивочно и на вынос». В них, по свидетельству автора

путевых очерков «От Шексны до Кубенского озера» – Ф.А. Арсеньева, «во всю свою могучую ширь гуляла русская буйная головушка, гуляла и прогуливала без числа и счета свои заработки».

Умны крестьяне русские,
Одно не хорошо,
Что пьют до одурения:
Во рвы, в канавы валятся —
Обидно поглядеть.

Чашка кофе со сливками выпита. Разговор, пробудивший малоприятные воспоминания, угас сам собой, и Вы решаетесь прогуляться по палубе, понаблюдать за проплывающими слева-справа окрестностями. Однако через короткое время с удивлением обнаруживаете, что глазу решительно не на чем задержаться.

По обеим сторонам тянутся низкие заливные луга, торфяные болота, деревушки, поля да редкий ольховый лес. Никакая возвышенность не разнообразит убегающий вдаль горизонт.

Полистайте-ка лучше хорошо иллюстрированный справочник-путеводитель, изданный пароходной компанией.

Из него Вы узнаете, что к трем часам ночи наш «колесник» подойдет к пристани села Козьмодемьянска. Берег здесь приподнят искусственно на четыре аршина, и потому весеннее половодье вымывает из берега очень даже ценные,

с точки зрения истории, предметы: «черепки глиняной посуды с древнею обливкою, медные и серебряные монеты, относящиеся ко времени Ивана Грозного».

Село известно еще и тем, что в нем с 1852 года живет известный народный поэт-самоучка Степан Яковлевич Дерунов. А к пяти часам утра пароход подойдет к причалу «Борки». Это уже пределы новгородские. Станция «Борки» находится на содержании Иоанно-Предтеченского Леушинского женского монастыря¹⁰, отстоящего от пристани на 12 верст. Эта святая обитель замечательна своим быстрым ростом.

За каких-нибудь 30 лет она превратилась в первоклассный монастырь. На пристани устроена часовня, и в ней каждый раз, как только причалит пароход, раздается стройное пение монастырских сестер. Пассажиры охотно сходят на берег для слушания молебного пения. Через 10–15 минут пароход отчаливает, а священник в благое напутствие осеняет его святым крестом.

Иногда у причала, рядом с часовенкой, можно увидеть настоятельницу монастыря матушку Таисию, ожидающую дорогого гостя – отца Иоанна Кронштадтского¹¹, всея Руси чудотворца. Почтенная игумения пользуется в крае глубоким уважением и всеобщей любовью. Выпускница Павловского института, мать Таисия так поставила дело воспитания и образования в обители, что к ней отдают своих дочерей помещики и купцы не только Новгородской, но и соседних губерний. Будущие жены воспитываются в духе истинного бла-

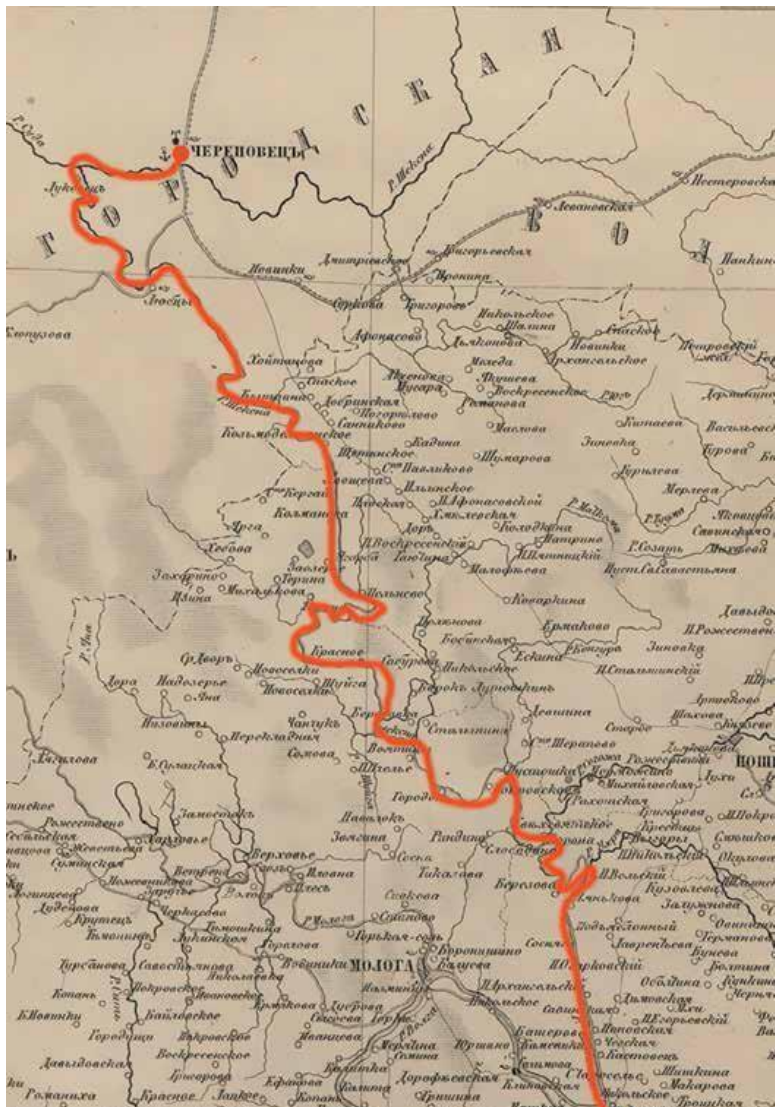
гочестия, изучают различные науки, домоводство, сельское хозяйство, рукоделие, шитье машинное и ручное, вязание и вышивание, золочение по материи и сафьяну хоругвей, плащаниц и т. д. Для обучения мастерству в особом просторном здании устроена учительская женская школа с рукодельными классами, предполагающая шестилетний курс обучения. В монастыре находится до 200 сестер.¹²

В деревеньке, расположенной рядом с пристанью, для желающих посетить монастырь всегда найдется удобная подвода, а в обители – гостиница для богомольцев.

Здесьние места, можно сказать, напоены Святым Духом. По разным направлениям от Леушино в старые времена существовало множество монастырей, теперь уже закрытых и сохранившихся лишь в качестве приходов: Златоустовская церковь, Спасский храм, приход Монастырек, Досифеевская пустынь.

На берегу маленькой речки Выксы, впадающей в Шексну в 33 верстах ниже Череповца, стоял небольшой монастырь святителя Николая Чудотворца. С апреля 1592 года томилась здесь в заточении по приказу грешного царя Бориса Годунова пятая законная супруга Ивана Грозного – Мария Федоровна, урожденная Нагих, в иночестве Марфа, мать убиенного царевича святого Димитрия. В 1605 году она была вызвана в Москву Лжедмитрием. Разгневанный этим обстоятельством, Борис Годунов лишил Выксинский монастырь самостоятельности и обратил в мужской, а инокинь,

соболезновавших и помогавших многострадальной матери царевича, изгнал. В 1690 году патриарх Иоаким приписал Выксинский монастырь к Череповецкому Воскресенскому домовому патриаршему монастырю, с упразднением которого в 1764 году был упразднен и Выксинский обращен в приходскую церковь.

Речные путешествия из Рыбинска в Череповец были весьма длительны

В церкви есть придел святого царевича Димитрия, а на колокольне – колокольчик с написанным на нем именем Марии Нагой.¹³

Мятежная душа царя Ивана Грозного, может быть, до сих пор обретается на Шексне, ибо где-то здесь он потерял и другого своего малолетнего сына, также нареченного Димитрием. Проходил государь эти места речным караваном «во втором лете казанского взятия», когда отправился молиться в Кириллов монастырь к честным угодникам «о мире, и о тишине, и об устройении земском» вместе с царицею Анастасией, царевичем Димитрием и «со всеми князьями и с боярами». Князь А.М. Курбский в своей книге «История о великом князе Московском» писал, что царевич Димитрий, которому не исполнилось и двух лет, разболелся и, «не доезжаячи монастыря Кириллова, еще Шексною рекою плывучи, по пророчеству святого, умре...»

Ниже пустыни славной Кирилловой,
Выше Рыбной слободки над Волгою,
Где Шексна-река круто согнулась,
Где колышутся травы прибрежные,
Где волна набегает на отмели,
Где журчит она тихо у берега
И сверкает несчетными струйками, —

Помяни там пред Богом Всеведущим
Со смиренъем: младенца Димитрия! ¹⁴

А. Приклонская

«Ниже пристани Вахново, – листаете Вы далее все тот же путеводитель (а мы подойдем к Вахново в восемь часов утра, как только минуем Вичеловские мели), – есть село Любец, которое считается родиной трех довольно известных братьев Верещагиных.

Один из них – знаменитый художник В.В. Верещагин, безвременно погибший в последнюю японскую войну. Другой – Н.В. Верещагин, замечательный сельский хозяин, основатель в России маслоделия и сыроварения. Третий – генерал А.В. Верещагин, писатель рассказов, преимущественно из военной жизни». ¹⁵

Село Любец, расположенное на крутом берегу Шексны, еще издали привлекает внимание своими благовидными каменными церквями: зимней – во имя Преображения Господня и летней – в честь Казанской иконы Божией Матери. Последняя, большая и нарядная, построена в 1800 году. Совсем недавно в сотне-другой шагов от них стоял крашеный в зеленую краску большой барский дом с мезонином, белыми колоннами и такими же ставнями. Построен он был в конце XVII века и принадлежал бабушке братьев Верещагиных – Наталье Алексеевне. Она имела большое состояние и происходила из старинного боярского рода Башмаковых. Предки

ее служили царям – Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. В 1682 году царь Федор Алексеевич дал Лукьяну Башмакову жалованную грамоту, по которой ему в Любецкой волости Пошехонского уезда «пожаловали, похваляя его службу, промыслы и храбрость, в роды и роды (...) из его поместья в вотчину (...) треть села Любца, половину деревни Вичелава, половину деревни Раменья...»¹⁶

Александр Верещагин в книге «Дома и на войне. 1853–1881» писал: «Верст на двадцать, тянулись по берегам Шексны великолепные леса и заливные луга моей бабушки; много сотен крестьян и много всякого добра у нее было».¹⁷ Любец – родовое имение Натальи Алексеевны, переданное ею во владение своему старшему сыну Алексею Васильевичу Верещагину. По воспоминаниям художника Василия Верещагина, «дядя зажил в Любце барином, кормил и поил весь уезд. (...)

В большом доме, пропитанном запахом сигар, вина и водки, графины и бутылки не сходили со стола. Для нас, детей, всегда были пряники, какие-то особенные, покупавшиеся на ярмарках ящиками и пудами, и для еды которых необходимы были именно наши детские зубы и желудки. Все мы с большим удовольствием ездили в Любец и также радостно встречали дядю, когда он приезжал к нам» (в Пертовку – Р., Б.).¹⁸

В любецком доме побывали в гостях два императора – Александр I и Александр II. В память о первом в обширной

зале, где стояли огромные изразцовые печи по углам, на самом видном месте была прибита мраморная доска с золотой надписью: «В сем зале изволил кушать Государь Император Александр I-й, 14 октября 1824 года». Он пользовался гостеприимством Натальи Алексеевны.

Император Александр II, путешествуя Шексной в конце 1850-х годов, еще задолго до приезда, спрашивал: «Далеко ли до Верещагина?» Алексей и Василий (отец художника) Васильевичи со всей местной аристократией и властями ждали императора на берегу. Исправник И.С. Левашов объявил собравшемуся народу: «Смотри, ребята, о «воле» Государю не заикаться! Кто только пикнет, тот со мной будет иметь дело! Помните, что царь приедет и уедет, а я останусь с вами». Когда пароход причалил к берегу, императора встретило со стороны десятков тысяч собравшегося народа страшное, оглушительное «ура!».

Александр II обедал в том же зале, в котором кушал Александр I. Для него была припасена огромная, почти двухаршинная стерлядь, ждавшая в садке чести быть поданной на стол Его Величества. «Уха, как, впрочем, и весь стол, вышли очень хороши», – рассказывала мать художника А.Н. Верещагина. Понравилась Государю и приготовленная Анной Николаевной неслащенная наливка-морозка, «которой он взял с собою целый ящик».

В ночь с 12 на 13 ноября 1869 года любецкий дом и стоявший рядом с ним флигель «сгорели до основания с всею дви-

жимостью». ¹⁹ А в 1877 году Александр Верещагин – последний владелец усадьбы Любец – продал ее вместе с заливными лугами и лесами, из которых его «дядя вырубал направо и налево огромные пространства. Нужны деньги для поездки в Петербург, – отдаст срубить на 5000 руб. и, конечно, смахнув на 10000 руб.; ему и горя мало – на его век хватит». ²⁰

Следует заметить, что, несмотря на страшное истребление лесов порубками и пожарами, окрестности Шексны в ее верховьях и особенно по берегам Суды, впадающей в Шексну в одиннадцати верстах ниже Череповца, все еще лесисты. Р.С. Дорошкевич, автор очерка «Тверское и Ярославское Заволжье», опубликованного в «Живописной России», пишет, что река Суда доставляет и наибольшее количество леса, барок, дров. Через нее выходит на Шексну ежегодно до 700000 деревьев, до 20000 кубических сажен дров и до 300 барок и других судов. Последние весной для сплава их к Рыбинску стягиваются вместе по три, четыре, даже по пять штук. В благоприятную погоду суда достигают Рыбинска на пятый или шестой день.

Места, мимо которых мы проходим, посетил в XVIII веке новгородский губернатор Якоб Сиверс. Они напомнили ему предместье Вулкана. Здесь, в так называемой «Уломе» (Уломская, Самосорская и Горская волости Череповецкого уезда), ²¹ с незапамятных времен производилась выделка железа из местной болотной руды, сопровождаемая боль-

шим количеством дыма от сжигания дров на уголь и стуком молотов о наковальни в сельских кузницах. «Сию часть подлинно Железопольской назвать можно», – писал губернатор.

Разработкой железной руды занимались и оброчные крестьяне владельца Пошехонской вотчины графа П.М. Бестужева-Рюмина, проживавшие в деревнях Вахново, Городище, селе Любец. Граф предписал им «искать в своих землях и по всем болотам и истокам ржавца железной руды; где сыщется брать на пробу и дуть в крицы, и будет выгода и годна будет в сковородное дело, и такую руду копать и выжигать, и чистить и плавить в крицы и кришной завод размножать; понеже уже несколько домниц есть. (...) С осени жечь уголье, до января возить его к кузницам, а с января месяца чтоб все были по местам: по кузницам бить молотом до конца зимы и по весне готовить дрова на уголье».

Через 120 лет доктор медицины П.И. Грязнов, изучая условия быта крестьян Череповецкого уезда, свидетельствовал: «Вблизи кузниц обыкновенно где-нибудь в бугре вы видите ямы, покрытые землею с отверстием вверху – это так называемые томлянки, где приготавлиют для кузниц уголь. Проезжая деревнями зимою и осенью, вы иногда задыхаетесь от дыму этих томлянок».²²

Уломские гвозди ручной работы приобрели большую известность еще в древности. Расходились они далеко во все стороны и благодаря своей дешевизне не имели соперников. И сейчас здесь работает несколько промышленных заведе-

ний, но уже на уральском железе, как, например, в людном селе Попадьино. В деревне Вахново, расположенной в версте от Шексны, есть железорезательный завод «Торгово-промышленного Товарищества Ярославской Большой мануфактуры», изготавливающий прутowego железа (при более чем 100 рабочих) на сумму около 30 тысяч рублей. Еще более крупный завод купца Заводчикова по производству все того же прутowego железа находится в селе Кондаша, расположенном в 9 верстах от села Пехтеева по Устюженской почтовой дороге.

За селом Пехтеево Шексна делает большую луку и подходит к селу Луковец. От него до Череповца примерно верст одиннадцать-двенадцать.

Здесь в 1896 году устроен перекоп длиной в 791 сажень, сокративший путь на 7 верст. О нем камергер Высочайшего Двора К.К. Случевский, сопровождавший Великого Князя Владимира Александровича в его поездках по Мариинской водной системе, говорил как об одном из самых красивых мест в этой части пути. «Здесь именно, – писал он в путевых заметках, – на двух противоположных берегах Шексны отбывали время своей ссылки: княгиня Е.Р. Дашкова и канцлер А.П. Бестужев-Рюмин; места подобных и временных заточений встречаются на нашем Севере довольно часто». ²³

Поэт сожалел, что «нигде по всей России исторические памятники былого не исчезли с такою обидною последовательностью, как именно здесь, на нашем «деревянном» Се-

вере. Человеку, проезжающему этими местами, на первый взгляд легко может показаться, что ничего тут особенного, исторически важного не было, ничего замечательного не совершилось. Тихо, однообразно тянутся поля, леса, пустыри; скромно ютятся деревни; не часто встречаются усадьбы...»²⁴

Память о великих изгнанниках до сих пор жива в народе. Участница дворцового переворота 1762 года, глава двух русских академий Е.Р. Дашкова отбывала ссылку в деревне Коротово, затерявшейся среди болот и непроходимых лесов. Коротовские крестьяне тепло встретили Екатерину Романовну: «Для вас несчастье жить между нами – мы жалею о том, но для нас благодать видеть вас, как ангела-хранителя». В своих «Записках» княгиня выразила благодарность крестьянам, поддерживавшим ее в дни изгнания и помогавшим ей во всех хозяйственных делах.

Широко известен портрет Дашковой, запечатлевший ее в ссылке. На портрете – пожилая женщина в мужском мундире со звездой сидит на деревянной лавке, опершись о маленький, грубо сколоченный стол.

Житель деревни Коротово 90-летний Демьян Кузьмин вспоминал, что Дашкову из серпуховской деревни привез крестьянин Зайцев, в избе которого она и жила. Мебель и другие вещи были доставлены отдельно. Дворовых людей с нею было до 20 человек. Голос у княгини был громкий, сама полная, видная. Княгиня следила за тем, чтобы печи топили как должно, приказывала закрывать окна глуше, чтобы не

было слышноковки в кузницах.

В Городском музее с 1905 года хранится «Сборник описаний имений и копий землевладельческих документов тайного советника и генерала П.М. Бестужева-Рюмина», просвещенного деятеля 20–30 годов XVIII века, сподвижника императора Петра I – отца знаменитого канцлера. Они принадлежали к древнему роду английского дома Бюстеров и носили на гербе своем девиз: «В Боге мое спасение». После кончины Петра, с трудом выпутавшись из сетей придворных интриг, бывший обер-гофмейстер Петр Михайлович был «отпущен» светлейшим князем Меншиковым в нижегородские губернаторы, а затем сослан в деревню. Здесь, видимо, памятуя о девизе своем, занялся он постройкой церкви и другими делами, которых в имении было не счесть, в том числе и составлением в 1730–1731 годах «Сборника имений» и инструкции для приказчика – «каким образом ему в пошехонских пахотных деревнях смотреть, также, что и до оброчных надлежит ведать».

Петр Михайлович пишет, что в его Пошехонской вотчине самое крупное село – Луковец. Состоит оно из трех слобод – Верхней, Нижней и Успенской, расположенных по обоим берегам рек Шексны и впадающей в нее Суды. В них стоят церкви: Вознесения Христа – единоголовая на восьмерике, Верховных апостолов Петра и Павла – пятиглавая, с колокольней, церковь Успения Богородицы деревянная – «о 5-ти главах, крытая шатром, старинная».

Во всех трех слободах насчитывалось 60 крестьянских дворов и в них 370 жителей, выполняющих различные повинности в пользу своего владельца. Приказчик Пошехонской вотчины должен был «чинить всякое споможение мастеровым людям, столярам, мыльнику, кожевникам, сыромятникам, овчинникам, слесарю, гончару, набойщику, крашеннику, сапожнику», а также смотреть за тем, чтобы отцы семейств обучали своих детей ремеслам, «в которых есть смысл», а уже вышедших из этого возраста – кузнечной работе или каким другим «промыслам и работе, у кого к чему охота (...), что всем людям и им будет в пользу».

Поощрял граф и торговлю, для чего в Верхней слободе на площади перед церковными воротами были поставлены 24 рубленые торговые лавки.

Господский двор располагался в селе Городище. С трех сторон он, по описанию Петра Михайловича, был огорожен палисадником, ⁽²⁵⁾ а с четвертой, со стороны реки Глухой Шексны, «обрубом с болясами». Попасть на двор можно было лишь с площади через большие ворота. В глубине двора стояли барские хоромы ²⁶ с видом на реку «длиной 10 сажень, 4 горницы, ²⁷ меж ними сени, ²⁸ (...) да на дворе 10 пушек чугуновых на станинах (одна из этих пушек хранится в городском музее – Р., Б.), изба белая ²⁹ с красными окончинами, ³⁰ поварня и клеть поваренная. (...) По стороне господского двора огород насажен лесом».³¹

Напротив господского двора располагался двор приказчика, «две горницы белых, меж ними сени, две клетки, баня, конюшня и хлевы скотские. (...) По конец села на реке Глухой Шексне и на пруде двор конюшенный новый длиной 15 сажень (...), скотный двор...». Инструкция предписывала приказчику «в Городище у конюшенного двора пруд содержать во всяком бережении и починке. И рыбу сажать – осетры и стерляди, на Глухой Шексне ловить неводами». В то время река Глухая Шексна была судоходной и на довольно значительное расстояние обтекала рукавом. Впоследствии, при строительстве Мариинской водной системы, она получила прямое направление, а облежавшая рукав земля образовала вид острова, почему река и называется Глухой. Берега ее с одной стороны крутые и возвышенные, а с другой – низкие и плоские. Вода в реке чистая, темная, и в ней всегда водилось много рыбы.

Шексна у деревни Вахново. Фото С. Прокудина-Горского

Центр села Городище украшали две церкви: Знамения Пресвятыя Богородицы – холодная о 5-ти главах со слюдяными окончинами (1731 г.) и теплая – великомученицы Параскевы об одной главе, построенная Бестужевым-Рюминым в 1733 году. Позднее тщанием прихожан на месте этих церквей поставлены были две каменные: одна 2-х этажная в честь Святой и Живоначальной Троицы с теплым приделом в честь святой великомученицы Параскевы (1796 г.), а другая в честь Знамения Пресвятой Богородицы и преподобного Александра Свирского, чудотворца (1820 г.).

На противоположном от Луковца берегу – в Успенской слободе – граф начал было строить новый господский двор больших размеров и в нем хоромы из семи теплых горниц

длиною по Шексне в 14 сажень, но не закончил. В 1742 году имения Бестужевых-Рюминых «отписали на государя». ³²

Ныне село Успенская слобода насчитывает, как свидетельствует путеводитель, 550 жителей. 125 из них трудятся на Луковецком лесопильном заводе, принадлежащем архангельскому купцу Эммануилу Васильевичу Брандту и коммерции советнику Эдуарду Егоровичу Линдесу под фирмой «Брандт и Ко».

Закрыв путеводитель, Вы замечаете, что незаметно подкравшиеся сумерки плотно занавесили берега, что на палубе стало свежо, что пора, предварительно заглянув в буфет, спускаться в каюту.

В буфетной посетителей немного. Они уютно расположились за столиками, освещенными неяркими лампами. Стены буфетной украшают два рекламных плаката: первый приглашает посетить магазины «Товарищества виноторговли К.Ф. Депре», другой советует по приезде в Череповец остановиться непременно в гостинице «Россия» и откусать в ее ресторане. Расположены они в собственном доме Н.В. Заухарева на Крестовской улице. Номера в гостинице стоят от 50 копеек в сутки. Имеются в ней также «бильярдные кабинеты и кухня под управлением опытного повара» с большим выбором вин русских и заграничных фирм, а также пива от «Калинкинского пиво-медоваренного товарищества»: «Столовое», «Пильзенское», «Богемия», «Венское», «Портер» и т. д. Но это на плакатах, а в буфете два господина уго-

щаются красным медком от «Егора Лева», при этом закусывают ветчиной с ланшпигом и тихо беседуют на темы, соответствующие их профессиональным занятиям.

– Вот говорят, будто из уломской руды железо получается плохого качества. Но все почему?.. Единственно от не проковки. А пусти в дело тяжелые молота паровые, получишь хорошее пластичное железо. И тогда незачем было бы нашему краю заимствоваться уральскими поковками.

– Да, зря, конечно, забросили это дело. В старину из уломского железа превосходный уклад выделялся. Он долго заменял и английскую сталь, и русскую томлянку. Рудники не истожились, заброшены только... Есть места непочатые и старожилам известные. Вот только мало их осталось, которые по цвету железную земельку по болотам распознать могут. А кто помнит, что, к примеру, руда, добытая под березняком или под ольшаником, почитается лучшей, и железо из нее выходит мягче, а из руды, под ельником лежащей, железо бывает не в пример и ломче, и черствее.³³ Неторопливые дорожные разговоры, помогающие коротать время в пути. Чуть далее от «металлургов» сидят еще два полуночника и под жаркое из тетерева употребляют рябиновую «Нежинскую» – десять копеек рюмка. Заказанные блюда, видимо, и дают тему их застольному разговору.

– Сия птица, друг мой, вокруг Череповца водится в изобилии. И ловят ее там самым прозаическим способом: заколачивают в землю заостренные колья в виде сахарной головы,

обращенной вниз, так, что у самой земли сходятся они конусом, образуя узкую впадину, а кверху расходятся врозь. В середине конуса вбивается длинный, также заостренный кверху шест, к нему привязывают, на аршин выше кольев, тоненькое кругленькое поленце, чтобы оно при этом свободно покачивалось; на концы кольев, шеста и поленца привязывают пучки овса с колосьями или метелками как приманку. Несчастливая птица, прельщаясь овсом, садится на поперечное поленце, которое, наклонясь тотчас свергает жертву в ловушку, где, увязши, сидит она до прихода охотника. Однако этот способ ловли тетеревов нам показался слишком замысловатым, чтобы рекомендовать его нашим читателям. Закажите-ка лучше рюмку запеканки (наливки из ягод с пряностями) и отправляйтесь в каюту на боковую.

Остатки заброшенных домниц и угольных ям до сих пор встречаются в уломских местах. Фото Н. Будника

Утро следующего дня. Еще версты за две до череповецких причалов хорошо различимы на красивом, поросшем деревьями холмистом берегу колокольня у церкви Живоначальной Троицы и главы Воскресенского собора. Но прежде пароход наш проходит мимо Христорождественской Шехонской церкви, и мы с удовольствием взираем на ее легко поднятые купола.³⁴ Один из приделов этого храма освящен в честь великого угодника Божьего и Чудотворца, особенно чтимого российским православием, святителя Николая – покровителя всех плавающих и путешествующих. Южная сторона этого светлого храма, обращенная к Шексне и укра-

шенная классическим портиком, опирающимся на четыре колонны, как бы приветствует тех, кто плывет по реке.

За церковь во имя Рождества Христова в селе Рождественском, дымя высокими трубами, бесшумно работают винокурный (с производством спирта на сумму свыше 26 тысяч рублей) и лесопильный заводы купчихи I гильдии А.А. Волковой. Далее по берегу виден завод земледельческих орудий и машин инженер-технолога В.И. Милютин. На нем при 175 рабочих изготавливается молотилок, земледельческих орудий, пожарных труб и прочего на сумму свыше 100 тысяч рублей. За заводом следуют массивные краснокирпичные корпуса Александровского технического училища, милютинский дачный дом и живописный холм с садом и церквями. Милым и просторным смотрится с реки Череповец.

Задолго до образования города Череповец, по утверждению Константина Случевского, «был богатейшей волостью на Шексне, с пристанью и удобным местом для нагрузки и перегрузки. Это сделало его известным, и патриархи московские присвоили из Новгородской митрополии в свое личное управление, ради доходности обители, Воскресенский монастырь в Череповце». ⁽³⁵⁾ То есть Череповец, как попутный торговый центр, обозначился уже давно. А «череповцы» взяли в свои руки все харчевни на пути. «Они богатели, – писал Случевский, – благодаря порогам и заливным лугам. Они пошли бы и дальше Коленца (Коленораменские пороги – Р.,

Б.), но дальше встретили их кирилловцы, да и рыбинские не теряли времени: они тоже колонизовали Шексну».

Красоту здешних мест отметил в 1809 году известный путешественник К. М. Бороздин: «Местонахождение города очень красивое, а особенно от Соборной колокольни. Какой вид с этого возвышенного места! Небольшая речка Ягорба течет внизу беспрестанными излучинами и, кажется, будто бы нарочно так искривлена. За нею видна быстрая Шексна, принимающая в себя Ягорбу, и на которой как лес возвышаются мачты судов, несущих из хлебородных низовых стран империи продовольствие ее Столице». ³⁶

Положив крестное знамение, можете поздравить себя с благополучным прибытием в город Череповец.

Охотников поглазеть на пароход всегда предостаточно в любом речном городе, и Череповец в этом смысле не исключение. Любопытствующие зеваки внимательно разглядывают каждое новое лицо. Такой же операции подвергается и багаж, спускаемый на берег по деревянному лотку.

Публика на пристани самая разнообразная и, надо сказать, добротно одетая, хотя и без особых изысков. По всему видно, что значительная часть городского населения посвятила себя торговле и всему тому, что с ней связано. И это неудивительно: как-никак город-то портовый.

Но вот чему Вы немало удивитесь, так это местному говору, имеющему особую тонику разговора. Он напоминает напряженный удар молота, рассекающего каленое железо.

От самого спокойного повествования веет какой-то строгостью, порой грубостью, с оттенком сердитого ругательства. Ваше чуткое ухо уловит в нем и признаки южно-украинского наречия и цоканье на манер польского. В Череповце говорят: «дюже» (очень), «зараз» (сейчас), «менные дзеньги», «свит» (свет), «хочу исть», «пиуцо» (пивцо). Вместо «он», «она», «его», говорят «ен», «яна», «евонный» и, конечно, «що» или «цо» вместо «что». Из таких слов складываются и соответствующие им поговорки: «Церепане ежики, по карманам ножики, ножики натоцены, церепане не колоцены», или: «цереповцяне, що и англицяне, только наречие не то».

В ходу и такие выражения: «я сегодня ещо не топила пецки и не пила цайку», «жених подарил мне колецко», «Васюха убил птичку», «утром было солнче, а теперь скрылось». В общем, «шла овча из Рыбинска до Череповча».

Вы еще только ступили на земную твердь, как тут же лихо подкатывает с наигранным щегольством извозчик, до сей поры томившийся в ожидании оказии у речного отеля под многообещающей вывеской «Гостиница с номерами». За час езды лихач берет по 50 копеек с седока, что соответствует стоимости порции свежих щей на нашем пароходе. Дождавшись, когда Вы, наконец, усядетесь, извозчик взбадривает лошадку веселым возгласом: «Но-о! Пошла, родимая!» И она бежит вдоль Алексеевского дока, где ожидают ремонта суда самого различного типа. Это слева, а справа разворачивается панорама обширной гавани. К ней строители тянут

железнодорожную ветку. Далее, за гаванью, видны громадные нефтеналивные баки обществ «Мазут» и «Бр. Нобель».

Глухо стучат копыта на большом деревянном мосту через реку Ягорбу. По крутому подъему мы взлетаем на Соборную горку и, минуя усадьбу городского головы Милютина и каменную ограду Воскресенского собора, лихо ныряем под въездную арку, украшенную двумя гербами – Новгородским и Череповецким. Над ними на арке начертаны слова: «Господь сохранит вхождение твое», отчего появление наше в городе приобретает триумфальный оттенок. Тем временем лихой наш возница, чуть-чуть подбадривая и без того быстро бегущую лошадку, направляет наш экипаж на Соборную площадь, откуда начинается Воскресенский проспект – главная улица города Череповца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.